Муратова Кира Георгиевна (кинорежиссер)

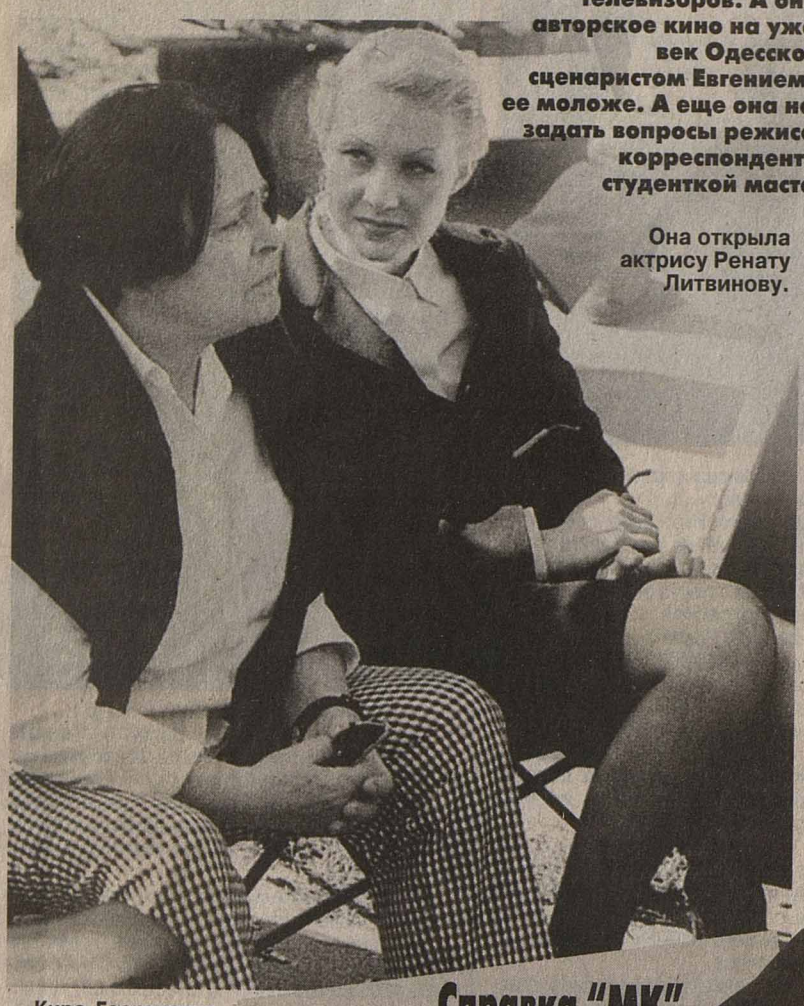
22.11.06.

10 "МосКовия" 22 ноября 2006 г. – Моск. комсомолец

ЗАВАДИНКА

Женщина-режиссер вообще большая редкость в советском кинематографе, а тем более режиссер опальный, непризнанный. Ее ставили в один ряд с Тарковским, Параджановым и Германом. А она говорит, что никогда не чувствовала себя диссидентом и ненавидит Тарковского за то, что он поджег корову на съемках "Андрея Рублева". Благодаря ей в кино появилась плеяда ярких актеров – Нина Русланова, Рената Литвинова, Зинаида Шарко – и запел на экране Владимир Высоцкий. А она приглашает на роли людей с улицы. Ее сверстницы нянчат внуков у телевизоров. А она продолжает делать странное авторское кино на уже, казалось бы, отжившей свой век Одесской киностудии, вместе с мужем, сценаристом Евгением Голубенко, который на 20 лет ее моложе. А еще она не любит журналистов, и, чтобы задать вопросы режиссеру-загадке Кире Муратовой, корреспонденту "МК" пришлось прикинуться студенткой мастер-класса киевского фестиваля "Молодость"

"Короткие встречи" Муратовой и Высоцкого.



Она открыла актрису Ренату Литвинову.

"МОЁ – НЕМОЕ КИНО"

ЮЛИЯ ГОНЧАРОВА

Кира МУРАТОВА: "Мечтаю актеров загнать в пленку"

— Кира Георгиевна, как человек решает: "Я бы в режиссеры пошел, пусть меня научат"?

— Какого-то одного момента не было, были какие-то ступенечки. В самодеятельности я начала, как потом поняла, интуитивно заниматься режиссурой. Это было такое сильное удовольствие, стоять за кулисами и ощущать — то, что происходит на сцене, зависит от тебя. Ты как бы держишь ниточки. Ты отсутствуешь и незримо присутствуешь в том, что происходит на сцене. Тайное лидерство, в этом была своя прелесть, что я это все сделала. Потом я услышала про ВГИК, про мастерскую Герасимова от людей, которые у него учились. Все произошло довольно случайно, как и все на свете.

— То есть все дело в случае?

— Случай — это все довольно условно, потому что случаев нам всем предоставляется множество. Из них ты можешь выбрать именно тебе подходящий. И режиссер выбирает точно так же. То, что он видит перед собой сцену, — это случай, то, что он из этого случая выуживает и выбирает, комбинирует и сочетает какое бы то ни было целое, — не случайно. Я верю в случай и культивирую эту веру. И в работе подставляюсь случайностям. Даже если у меня все актеры утверждены на роли, вдруг приходит с улицы некто, стучится и говорит: "Я хочу у вас играть главную роль". Я его впущу и поговорю, вдруг он мне что-то подскажет, куда-то сдвинет. И, может быть, дам главную роль. Я не принадлежу к тем режиссерам, которые говорят, что фильм уже сделан, осталось только снять. До самого конца я делаю фильм, веря во всякие интуитивные, случайные происшествия.

— У вас снимаются и профессионалы, и люди с улицы, где вы находите своих актеров?

— Везде. И с улицы, и кто-то приходит на пробы, и есть огромный список лиц, которые уже снимались или их еще хочется снимать. Смотря что нужно. Конечно, если это непрофессионал, я должна его раскрыть, как из кувшина попытаться из него чего-нибудь вылить, что в нем скрыто. А если профессионал, то я боюсь ему заранее навязать, что я хочу от него, чего я жду. Я никогда не говорю о таких вещах, как идея, сверхзадачи или цели. Я не гружу его с самого начала собой. Нужно создать такую атмосферу, свободную и легкую, чтобы он получил удовольствие, раскрываясь непроизвольно, как цветочек. Главный метод с непрофессионалами, чтобы они научились получать удовольствие от этого процесса. Только тогда начинает в них проявляться заложенное дарование. А в профессиональных актерах я стараюсь угадать что-то свойственное лично им.

— Угодить при таком подходе актеру тяжело?

— У меня были такие случаи, когда высокопрофессиональные актеры обижались, например Алла Демидова, что я с ними не работаю. И сколько я не уверяла, что это не нужно, что вы сразу делаете замечательно то, что я хочу, и лучше, чем я могла бы ожидать, у них оставалось ощущение, что мы не поработали. Демидова идеально совпадала и попадала в свою роль с первой читки, а ей казалось, что ей как актрисе надо играть только что-то возвышенное, поэтически-высокое, Медею и так далее. "Я не бытовая актриса, я не могу играть быт", — говорила она мне, но играла его очень точно и правильно. Тут возникали обиды, которые она, конечно, мне не высказывала. Притом что она царица и ей надо воздавать царские почести, и я с удовольствием всегда это делала, это очень приятно. Но, видимо, чего-то не хватало ей, и она очень долго пребывала в таком страдальческом состоянии. Во время съемок "Настройщика" она очень долго была уязвленной. И оттаяла, когда фильм уже был снят.

— В "Коротких встречах" вы снимали Владимира Высоцкого, мы привыкли к его героическому образу, как ему удалась романтическая роль?

— Он только начал тогда сниматься в кино, в "Вертикаль" приехал пробоваться, и мы его стали пробовать в "Коротких встречах". Тогда у Высоцкого не было никакого конька, потому что он был начинающий киноактер, в театре, да, был известен. Но это, как известно, довольно узкий круг зрителей. И даже как барда, как певца, его карьера начинала только расширяться. А удалась ли ему эта романтическая роль, судить зрителям. Геолог был тогда такой модный романтический персонаж — песни, костры, гитара. Это был герой того времени. Некий спустившийся с горы мужчина и две женщины, которые его обожают...

— Становление культового режиссера Киры Муратовой проходило сложно?

— Когда я работала вдвоем с Сашей Муратовым, было сложно, когда стала снимать одна — значительно легче. Мы все время должны были друг другу уступать, принимать решения совместно. В этом эпизоде сделаем по-твоему, а в этом — по-моему. Кошмар. А еще идеологические начальники мои много попортили крови. Нужно было постоянно доказывать, что ты не верблюд. Что ты хочешь прославиться, а не очернить советский строй. Я вот становлюсь себе режиссером, а меня берут и увольняют, дисквалифицируют. Объясняю, я же такая талантливая, я только начинаю, а они мне: "Да, но у вас неправильный взгляд". Начальники знали лучше, как надо снимать. Даже безденежье так не мешает делать кино, как идеология: "Почему ты хочешь снимать эту сцену на кладбище и в больнице? У нас в СССР смерти нет".

— Слава вас греет, если честно?

— Мне это безразлично, иногда мешает. Потом, я не мужчина, которому важно признание. Мне надо, чтобы нравилось мне, моим друзьям, людям, которых я люблю. Раньше было бюро пропаганды, возили фильмы в провинцию, задавали режиссеру вопросы. И кто-нибудь подходил к тебе и говорил: "Вы знаете, мне ваши фильмы нравятся, но вы мне нравитесь еще больше", и я чувствовала: "Ах ты сволочь, тебе мои фильмы должны нравиться, а не я!" А вот актеры — это совсем другие существа, которые играют собой, своими руками, лицом, телом, красотой или уродством, они так чувствуют. Это поняла очень хорошо, когда единственный раз в своей жизни вынуждена была играть. Так сложились обстоятельства, что пришлось сниматься. И вдруг я стала чувствовать то, что чувствуют актрисы! Идет съемка, осветители играют в карты, травят анекдоты, не обращают внимания на то, что я здесь делаю. Мне было обидно до слез! А если я режиссер и осветители делают то же самое, да пускай, только бы тихо делали и не мешали да светили бы куда нужно. Актеры бывают очень глупыми, но это кажется, в этом процессе они становятся детьми. Они могут капризничать, падать на спинку и стучать ножками, и так далее — это проявления профессиональные.

— Неужели так тяжело работать с людьми?

— Ужасно! Это же живые люди. Они могут заболеть, умереть, понимаете, исчезнуть просто! Вообще, бывают такие актеры, которые хотят всюду успеть. Они постоянно хотят куда-нибудь ехать, сняться там и потом к тебе вернуться. Страх, что это живые существа, которые подвержены тлению и исчезновению. Главное мое желание, и я им об этом говорю, это: "Скорей бы вас всех загнать в пленку". Фактически убить, вы понимаете? А потом эту пленку монтировать, клеить... От вас живых освободиться. Вот, скажем, есть замечательный актер, он у меня снимался сейчас, Богдан Ступка. Ну суперактер, я обожаю, как он сделал эту роль. Но он, так сказать, эталон актер актерыча. Он хочет объять необъятное. В Одессе сниматься, уехать в Москву, там на сцене, на каком-то фестивале, кому-то что-то вручить. И этим он просто изводит. Плюс бывает, что прихватит сердце и он плохо себя чувствует. Я говорю, вы вообще скоро загнетесь, если будете ездить туда-сюда, давайте закончим дело. Мучительные существа актеры.

— Почему у вас часто появляются животные в кадре?

— Животных я очень люблю. Это то, чем вы дышите: воздух, кислород. Я их люблю и болезненно воспринимаю их жизнь среди нас, людей. Мне их осознанно жалко. Я чувствую ответственность человечества, которое приручило диких зверей и их мучает. Я считаю, что это нехорошо, неправильно. Мы, люди, между собой должны как-то разбираться: ты человек и я человек, мы можем вступить между собой в какие-то, может быть, и истязательные отношения. Но не с животными. И ненавижу, конечно, людей, которые чувствуют и поступают обратно. Вплоть до того, что могу применить к ним насилие. Женя Голубенко, он вообще маньяк в этом плане. Он ушел от людей к кошкам и собакам. Он еще более научил меня любить их... Однажды я случайно попала на живодерню, и мне открылась эта кровавая бездна, и с тех пор она со мной.

— Несет ли режиссер моральную ответственность перед зрителями?

— Если это пропагандистский фильм, да. Наверное, в этом случае режиссер несет ответственность. А если вы смотрите компьютерную стрелялку, где кто-то кого-то топчет ногами, наверное, нет. Я вообще ничего темного не снимаю. Вы имеете право как критик, как зритель посмотреть мой фильм, и вы меня ничем не испугаете, если скажете мне в лицо — как вы смели это снять! Мне это многие говорили после "Астенического синдрома". "Вы меня так замучили, в моей жизни и так все плохо, а вы меня еще тыкаете носом в это плохое". Ну может быть, но мне хотелось сказать правду. Кино это называют тяжелым, темным, потому что там была снята живодерня. Дальше все пошло значительно наряднее. Наверное, у меня тогда существовала какая-то подспудная вера, что если я сниму живодерню, проберусь туда с большим трудом, покажу эти кровавые дела, то я выполню свой долг. Может быть, сама излечусь, что меня преследуют эти мысли, а может, и живодерни начнут понемногу исчезать. Ничего не исчезло и не исчезает. Я перестала в это верить.

— Как вы относитесь к женскому творчеству?

— К талантливым отношусь замечательно. Женщины-режиссеры более жестоки, они вовсе не сентиментальны, не слюнявы и не слащавы, они такими притворяются. Это форма кошечек таких незащищенных. Женщины, как всякие рабы, а они рабыни в целом и будут ими долго, а может, и всегда, потому что их физиология их к этому вынуждает, они хитрее и жестче. Я побывала на фестивале женского кино под Парижем. Там было скопище жестких, жестоких фильмов, говорящих правду-матку про все на свете.

— С кем-то из коллег сложились добрые отношения, дружба?

— Я вообще ни с кем не дружу! Это мне не свойственно.

— У вас в фильмах очень много текста: диалогов, монологов, разных слов.

— К сожалению. Хотя моя мечта — снять немое кино. Но пока не получается. Я не нахожу подходящего сценария. Я очень люблю пантомиму, Чарли Чаплина. Который ничего не говорил.

— Бывает так, что вы смотрите по телевизору боевик или сериал и думаете: "А я бы сняла это лучше"?

— Нет. Но вы знаете, не потому, что я против сериалов. Я нетерпеливый человек. И снимать несколько серий мне, кажется, было бы скучно. Во-вторых, условия съемки сериалов, они абсолютно зверские. Я быстро снимаю, но так, как там нужно снимать, уже небрежно, я не хочу. Вообще, я очень люблю снимать короткометражки.

— Кира Георгиевна, а какие сны вам снятся?

— К сожалению, мало снов снится. Хотя я ужасно ценю и обожаю, когда мне показывают сны. Какие-то странные сочетания. Сюрреальные. Я даже с собой иногда беру бумагу и карандаш, вот думаю, чего-нибудь приснится — запишу. А ничего не снится.

— Вы стали одесситкой, как вам там живется и работается?

— Море — это единственное, что мне нравится в Одессе. Прекрасно прийти к морю весной или осенью, когда нет людей, подумать о чем-то. Светло, пусто, ты, море, мысли. Работаю я мучительно. Мучаю ужасно мужа, заставляю его придумывать то, что сама не придумала.

— Кто из писателей вам близок?

— Лев Толстой. Я много читаю. Люблю Петрушевскую, Лимонова, Сорокина. Но если произведение хорошее, то зачем я его буду снимать? Оно и так хорошо.

— Расскажите о работе с актрисой Ренатой Литвиновой?

— Ну, дорогая моя, вот тут мне обидно. Рената Литвинова была сценаристкой, я прочла ее сценарий, фильм по которому снял кто-то другой. Познакомившись с ней, я подумала: "Вот эту женщину надо еще и снимать". Она очень красива, интересна и индивидуальна. Когда я начала снимать фильм "Увлечения", то стала ее пробовать на главную роль. Но она не подходила, пришлось придумывать для нее сопутствующую роль. То есть актрисой она стала у меня! После этого она прославилась. Я счастлива, что актеры, снимавшиеся у меня, становятся "звездами".

— Как вам ее режиссерская работа, фильм "Богиня"?

— Мне очень понравилось. Я думала так: "Мне в любом случае понравится, потому что мне нравится Рената: она же там будет обязательно в центре, и она замечательная актриса, все в ней мне интересно, и фильм мне понравится — хотя бы отчасти, но сильно". А он мне вообще очень понравился. Начат сюжет — ну надо же его досказать, чем он кончился? Нет, бросаем. Ты думаешь: "Ой, это же что-то неправильно, но мне нравится". Этот фильм сделан как шаманизм, а шаманство и есть праискусство, религия, смешанная с искусством... Для Ренаты тема любви — религиозная. Шаман просто крутится и что-то завывает, бубнит, тарахтит, это тебя куда-то втягивает и завораживает, а потом начинается опять логический сюжет... Плюс есть в центре актриса и личность Ренаты. Она талантливый человек от природы. Очень естественная. Нарекания на ее манерность — это манера быть естественной. Так можно сказать, что лилии или кошки манерны. Мне кажется, она уже устала от своей популярности.

— Кира Георгиевна, а над чем вы сейчас работаете?

— Сейчас не лучший период моей жизни, поскольку фильм только что закончили и теперь ждем, когда продюсер даст нам возможность увидеть копию — весь сведенный фильм, а не рабочий материал. Это неприятный период, когда уже все сделано, но ты не можешь это увидеть. Начинаются сомнения, депрессия, черные мысли: "Так ли все получилось?".

— О чем кино?

— Этот фильм называется: "Еще две истории: одна простая, другая сложнее". Играют замечательные актеры — Нина Русланова, Александр Баширов, Рената Литвинова, украинцы Наталия Бузько, Владимир Горянский и Богдан Ступка. А рассказывать содержание фильма не следует. Поскольку сама я его в законченном виде не видела, мне бы не хотелось ничего говорить. Это был общий российско-украинский проект с бюджетом полтора миллиона долларов. Но Россия нас "кинула". Продюсеры хотят получить деньги от проката картины, а с другой стороны, а чего ж им еще хотеть? Ведь другого удовольствия он от кинопроцесса не получает, а я-то получаю. На время пришлось съемки прекратить, потом украинский продюсер Олег Кохан нашел деньги. Снимали прошлой зимой в Одесском театре украинской драмы. Там были страшные сквозняки. Съемочная группа переболела бронхитом. А я кашляла громче всех. Ужас. Больше зимой снимать никогда не буду.

Юлия ГОНЧАРОВА.

Справка "МК"

Кира Муратова родилась в 1934 году на территории нынешней Молдавии, в Сороках. Проучившись один курс на филологическом факультете МГУ, ушла во ВГИК на режиссерский, в мастерскую С.А.Герасимова и Т.Ф.Макаровой. С 1962 года работала на Одесской киностудии режиссером-постановщиком. Ее кино стало доходить до зрителя только в конце восьмидесятых, хотя первый свой фильм, "У крутого яра", она сняла еще в 1961 году совместно со своим мужем А.И.Муратовым. В 1967 году сняла фильм "Короткие встречи", в котором открыла Нину Русланову и сыграла сама. В нем же одна из первых киноролей Высоцкого.

Взлет известности Муратовой приходится на перестройку, когда были сняты "Перемена участи" (1987) и "Астенический синдром" (1989). Муратова – лауреат фестивалей в Локарно, Берлине, Москве и Сочи. Народная артистка Украинской ССР. Лауреат Госпремии Украины. Один из немногих режиссеров в постсоветском пространстве, кто добился признания и упорно продолжает снимать свое кино. Кто-то называет его авторским, кто-то использует расплывчатое выражение "кино не для всех". В 2004 году получила высшую государственную награду Украины – орден Ярослава Мудрого IV степени.

АРТЕМ МАКЕЕВ

С Аллой Демидовой. За фильм "Настройщик" и режиссеру, и актрисе досталось по "Нике".

РЕДАКТОР: Виктор СОКИРКО
ДИЗАЙН-ПРОЕКТ: Елена МОРОЗОВА, **ВЕРСТКА:** Елена ЛИСИЦИНА, Максим ОРЕШИН
ТЕЛЕФОН 250-72-72
ФАКС 253-20-86